

Савинков С. В.

Смерть Гоголя в тургеневской рецепции: соблазн предположения

В отличие от Пушкина, Гоголю не было суждено однозначно и безоговорочно стать культурным и национальным символом. Об этом свидетельствуют и отклики на его смерть. В письме к И. С. Аксакову от 3 (15) марта 1852 года Тургенев в частности говорит и о том, какой реакции на смерть Гоголя ему пришлось стать свидетелем:

<...> Что касается до впечатления, произведённого здесь его смертью <...> да будет Вам достаточно знать, что попечитель здешнего университета г. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским <...> Г. Мусин-Пушкин не мог довольно надивиться дерзостью людей, жалеющих о Гоголе¹ [Тургенев, 1987: Письма. Т. 2, 125].

На самого же Тургенева смерть Гоголя произвела потрясающее впечатление, о котором он высказался и публично, и – особенно проникновенно – приватно в своих письмах 1852 года:

<...> Скажу Вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя, – всё, что Вы говорите о ней, сказано мне прямо из души. Эта страшная смерть – историческое событие – понятна не сразу; это тайна, тяжёлая, грозная тайна – надо стараться её разгадать <...> но ничего отрадного не найдёт в ней тот, кто её разгадает <...> все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к её недрам – ни одному человеку, самому сильному духу, не выдержать в себе борьбу целого народа – и Гоголь погиб! Мне, право, кажется, что он умер, потому что решился, захотел умереть, и это самоубийство началось с истребления

¹ Ссылки на тургеневские тексты даются по изданию: Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1978–2003.

«Мертвых душ» (из письма к И. С. Аксакову от 3 (15) марта 1852 года) [Тургенев, 1987: Письма. Т. 2, 125].

Я не могу продолжать это письмо так, как его начал. Нас поразило великое несчастье: Гоголь умер в Москве, умер, предав всё сожжению, всё – 2-й том «Мертвых душ», множество оконченных и начатых вещей, – одним словом, всё! Вам трудно оценить всю огромность этой столь жестокой, столь невосполнимой утраты. Нет русского, сердце которого не обливалось бы кровью в эту минуту. Для нас он был не просто писатель: он нам открыл нас самих; он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого. Быть может, эти слова покажутся вам преувеличенными, вызванными горем, но вы не знаете его; вы знаете только самые незначительные из его произведений и если б даже вы знали их все, то и тогда вам трудно было бы понять, чем он был для нас, надо быть русским, чтобы это почувствовать. Самые проникательные и умные из иностранцев, как, например, Мериме, видели в Гоголе только юмориста английского типа, его историческое значение совершенно ускользнуло от них. Повторяю, надо быть русским, чтобы понимать, кого мы лишились! (из письма к П. Виардо от 4 марта 1852 года) [Тургенев, 1987: Письма. Т. 2, 122].

Вы не можете себе представить, друзья мои, как я вам благодарен за сообщение подробностей о смерти Гоголя – я уже писал об этом Боткину. Я перечитываю каждую строку с какой-то мучительной жадностью и ужасом – я чувствую, что в этой смерти этого человека кроется более, чем кажется с первого взгляда – и мне хочется проникнуть в эту грозную и горестную тайну. Меня это глубоко поразило – так глубоко, что я не помню подобного впечатления. Притом я был подготовлен другими обстоятельствами, которые вы, вероятно, скоро узнаете – если уже не узнали. Тяжело, Феоктистов, тяжело, мрачно и душно <...> Мне, право, кажется, что какие-то тёмные волны без плеска сомкнулись над моей головой – и иду я на дно, застывая и немея (письмо к Е. М. Феоктистову от 26 февраля (9 марта) 1852 года). [Тургенев, 1987: Письма. Т. 2, 123–124].

Если попытаться обрисовать семантическую конфигурацию этих тургеневских писем, то выглядеть она будет так. Смерть Гоголя – исторический масштаб – героизм первооткрывателя – близость к недрам – судьба и тайна России – смерть Гоголя как тайна судьбы России.

Этот ряд значений легко выстраивается в логическую цепочку, необходимую и достаточную для развёртывания нарратива о Герое, пожертвовавшем своей жизнью во имя великой цели, приблизительно такого плана. По масштабу участие Гоголя в судьбе России сопоставимо с деяниями Петра Великого. Героическая миссия Гоголя состояла в том, чтобы открыть России её самую («он нам открыл нас самих»). Это открытие потребовало от него внутренней борьбы такого накала, которая не под силу даже «самому сильному духом» человеку («ни одному человеку, самому сильному духу, не выдержать в себе борьбу целого народа»). Проникнув в глубины российской жизни, Гоголь прикоснулся к её недрам и стал тем избранником, на ком отразилась её трагическая судьба. В этом отражении заключается тайна его похожей на самоубийство смерти, и нужно быть русским, чтобы её разгадать. Посторонний взгляд никогда не сможет ни понять, ни оценить исторического значения Гоголя для России и русских.

Не трудно заметить, что всё отмеченное в тургеневском эпистолярии – и тематический комплекс, и нарративный потенциал – имеет отношение не только

к Гоголю, но и к творчеству самого Тургенева, и прежде всего к его знаменитым романам 1850–1860-х годов: «Рудину», «Накануне» и «Отцам и детям». В смысловом фокусе каждого из них оказывается смерть героя, на первый взгляд, нелепая и странная, а по сути, – как и в тургеневском отклике на смерть Гоголя – глубоко трагичная и судьбоносная. Такая семантическая транзитивность и вызывает соблазн предположить, что в нарративы этих культурно-героических романов так или иначе инкорпорирован тургеневский дискурс о гоголевской смерти.

Есть и более детальное соответствие. В XI главе «Рудина» Тургенев дословно повторит фразу из своего письма к Е. М. Феоктистову от 26 февраля (9 марта) 1852 года:

Мне, право, кажется, что какие-то тёмные волны без плеска сомкнулись над моей головой – и иду я на дно, застывая и немея [Тургенев, 1987: Сочинения. Т. 5, 295].

Так отреагирует Наталья Ласунская на прощальное письмо от Рудина.